

Д.З. Фельдман

К ВОПРОСУ О ВЗАИМООТНОШЕНИЯХ ИНОСТРАННЫХ И РОССИЙСКИХ ЕВРЕЕВ ВО ВРЕМЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1812 ГОДА

Настоящая работа посвящена, казалось бы, локальному, но, на наш взгляд, важному, в частности с культурологической стороны, вопросу: об иностранных евреях, попавших в Россию с наполеоновскими войсками во время Отечественной войны 1812 года, и об их взаимоотношениях с евреями – российскими подданными. Как известно, в рядах Великой армии нередко встречались и евреи: солдаты и офицеры, поставщики и маркитанты, контактировавшие со своими «русскими» единоверцами и, как правило, выказывавшие уважение к еврейским обычаям и святыням.

Начнем с исторических фактов. До 1789 г. во Франции существовал закон, согласно которому евреи призывались в армию лишь в чрезвычайных случаях, о чем составлялись договоры между еврейскими общинами и местными властями. Евреи были обязаны выставлять ополчение, снаряженное за свой счет; чаще всего это было пожарное подразделение или части для охраны городских укреплений. Данное ограничение было отменено Французской революцией, по законодательству которой евреям, наряду со всеми французскими гражданами, было вменено в обязанность нести военную службу. Император французов Наполеон I Бонапарт, вопреки феодальным традициям, не позволявшим формировать чисто еврейские части, создал в 1805 г. первый еврейский батальон. Это воинское подразделение состояло из 300 жителей-парижан, командирами в нем были также евреи-офицеры. Батальон участвовал почти во всех сражениях Великой армии, не раз заслуживая выражения благодарности скупого на похвалы императора. В Голландском королевстве, завоеванном Францией, в 1806 г. по приказу Наполеона его

младший брат Луи Бонапарт – он же король Людовик I – сформировал еще два батальона еврейской пехоты во главе с офицерами-евреями. Батальоны эти просуществовали до 1810 г., храбро сражаясь в многочисленных битвах наполеоновских войн. А всего, по данным архивов, в 1808 г. во французской армии служило более 1800 евреев при общей численности еврейского населения в стране около 77 тыс. человек. Известны нам также имена первых евреев – кавалеров ордена Почетного легиона, который им был вручен лично Наполеоном; это офицеры: кавалерист лейтенант Луи Мей и капитан морской артиллерии Лазар-Мейер Маркс¹.

Среди этнических евреев, служивших во французских войсках при Наполеоне Бонапарте, было несколько генералов. Первый из них – Марк Франсуа Жером Вольф, родившийся 4 марта 1776 г. в г. Страсбурге (Эльзас) в еврейской семье Серфбеер и являвшийся родственником известного филантропа и ходатая по делам эльзасских евреев Нафтали бен Дов-Бера Серфбеера. В 1794 г. он поступил на военную службу рядовым во 2-й егерский полк Рейнской армии. После принятия католичества, в 1799 г. был произведен в лейтенанты, а в 1805–1814 гг. служил в рядах наполеоновской Великой армии. В 1806 г. он уже командует эскадронам. С 1808 г. Вольф в звании полковника возглавлял кавалерию в Вестфальском королевстве и во время военной экспедиции в Россию, уже будучи бригадным генералом (с 1812 г.), командовал легкой кавалерией – 1-й гвардейской кавалерийской бригадой 8-го (Вестфальского) армейского корпуса генерал-полковника Ж.-А. Жюно. Закончил Вольф службу в звании генерал-лейтенанта, которое ему присвоили в 1835 г., на должности инспектора кавалерии. В 1810 г. Вольф получил дворянский титул, а в 1813 г. грамотой короля Вестфалии Жерома Бонапарта, младшего брата Наполеона Бонапарта, он был возведен в баронское достоинство. Умер Марк Франсуа Жером барон де Вольф 24 октября 1848 г. в Париже; его имя выгравировано на Триумфальной арке.

Нам известно имя еще одного еврейского офицера наполеоновской армии, участвовавшего в русском походе 1812 г. Это Анри Роттенбург, который в 1814 г., незадолго до отречения императора Наполеона Бонапарта, за выдающиеся воинские заслуги получил звание генерал-майора. Наконец, из купеческого сословия вышел произведенный в офицеры Наполеоном Симон Майер Даламбер (1776–1840), показавший столь недюжинные командирские качества, что уже через три года участия в боевых операциях, в 1805 г., он был произведен в полковники, а в 1809 г. получил звание генерала, став по поручению французского императора организатором и командующим армией Вестфальского королевства.

После падения Наполеона, поселившись в 1814 г. в Париже, Даламбер начал принимать активное участие в еврейской общественной жизни, защищая интересы своего народа. По некоторым данным, еврейское происхождение имели маршалы Империи Андре Массена (1758–1817), герцог Риволийский, князь Эсслингенский, и Никола Жан де Дье Сульт (1769–1851), герцог Далматский, которые, впрочем, в военном походе в Россию участия не принимали².

Приведенные здесь факты явились следствием политики Наполеона по отношению к евреям Франции и всех завоеванных им европейских стран, в которых он декларировал принцип еврейской эмансипации, благодаря чему еврейское население этих стран смотрело на него как на освободителя. Причем нередко иудеям даровались гражданские права даже в тех странах, которые находились в состоянии войны с Францией, чтобы умалить в глазах местных евреев славу Наполеона как их исключительного защитника. Так, в частности, произошло в Пруссии, где 11 марта 1811 г. был принят закон о предоставлении евреям равных с остальными гражданами прав (отмененный в 1815 г. почти сразу после окончательного падения Наполеона). В 1806 г. Наполеон объявил о созыве в Париже собрания представителей еврейского населения Франции, Италии, большей части Германии и других завоеванных стран и так называемого Великого Синедрона раввинов и духовных руководителей еврейских общин, целью которого провозглашалось пробуждение у евреев гражданских чувств (которых они были лишены из-за вековых притеснений) и превращение их в полезных граждан путем приведения в соответствие требований их религии с обязанностями французских граждан³.

Несомненно, что и после Наполеона страны Западной и частично Центральной Европы уже не могли вернуть евреев к прежнему совершенно бесправному положению. Однако такая политика имела и обратную сторону, приводя к серьезным последствиям. Наполеоновские реформы поставили перед евреями в самой острой форме проблему сохранения своего национального лица и своей национально-культурной самобытности в условиях все возрастающих возможностей участия в гражданской, культурной и политической жизни народов, среди которых они жили. Попытки решения этой проблемы, вызвавшие острые споры и раскол среди европейского еврейства, оказались в значительной степени тщетными. Евреи, решившие воспользоваться открывшимися благодаря политике Наполеона возможностями, логикой вещей принуждались либо к ассимиляции, либо к такой глубокой реформе иудаизма,

которая была связана с утратой большей части национальных традиций, обычаев и духовных ценностей.

Что касается темы взаимоотношений иностранных и российских евреев во время войны 1812 г., то следует отметить, что ее историография не является до конца разработанной. Специально этому вопросу была посвящена только статья видного еврейского историка С.М. Гинзбурга, опубликованная к 100-летию юбилею Отечественной войны и переизданная уже после Октябрьской революции 1917 г., причем в несколько сокращенном виде⁴. Некоторые сведения из этой интересной, но малоизвестной работы будут приведены ниже. В свою очередь, ссылаясь на мемуары некоторых участников похода, а также на различные предания, сохранившиеся в литовских и белорусских городах и местечках, историк показывает, что иудеи, хотя и принадлежали к враждебным лагерям, тем не менее зачастую находили между собой общий язык, и в первую очередь благодаря своей религии. Например, в устных рассказах фигурируют некий старик-еврей из местечка Дубровна Оршанского уезда Могилевской губернии, пригласивший французского солдата-единоверца к себе домой на новогоднюю трапезу; меламед (частный учитель закона еврейской веры. – Д.Ф.), встретивший в местечке Ляды Оршанского уезда Могилевской губернии неприятельского кавалерийского офицера-еврея и затеявшего с ним талмудический спор; витебский содержатель овощной лавки, которому придворный еврей помог получить деньги за товар во дворце, где остановился Наполеон; французские солдаты-иудеи, пришедшие на субботнее богослужение в синагогу в местечке Креславка Динабургского уезда Витебской губернии⁵.

Уроженец Страсбурга еврей Исидор Леман, поставщик армии во время прусского похода 1806 г., в своих воспоминаниях сообщает, что в августе 1812 г. он снова отправился вслед за французской армией, на этот раз в Россию. В начале октября он с компаньоном взяли в Минске на себя поставку 4000 центнеров муки в магазины, устроенные французами в Могилеве и Орше. Однако когда товар был уже доставлен, произошло поспешное отступление французов из Минска, и купец потерпел значительные убытки. После занятия города русскими войсками местные евреи, несмотря на большой риск, укрыли его и еще двух поставщиков в еврейской больнице, помогли Леману раздобыть паспорт и снабдили его рекомендациями, чтобы он смог добраться до г. Вильно и уехать за границу.

Другой еврей, вестфальский вахмистр артиллерии Яков Мейер, участвовавший во многих походах и сражениях, вспоминает, как во время бегства наполеоновской армии из России, в начале декабря 1812 г.,

он вместе со своими сослуживцами близ местечка Молодечно Вилейского уезда Минской губернии был взят в плен казаками. Испытывая страдания от голода, стужи и жестокого обращения, Мейер в составе большой партии военнопленных был отправлен в Минск, где ему удалось совершить побег из казармы, в которой содержались заключенные. Повстречавшиеся офицеру местные евреи устроили его в еврейский госпиталь, подлечили и одели на польский манер – теперь Мейер «совершенно имел вид польского еврея», свободно ходил по городу и ночевал в синагоге. В феврале 1813 г. минский табачный торговец-еврей, уезжая в Вильно, забрал вестфальца с собой, дал ему денег и снабдил рекомендательным письмом, которое было адресовано некому богатому коммерсанту, благодаря чему беглец смог устроиться на ночлег в одном учебном заведении. Такое же участие со стороны единоверцев встретил он и в Вильно, где повстречал еще несколько евреев – французских солдат и «одного известного своей эрудицией итальянского еврея сержанта, с которым все очень хорошо обходились». Мемуарист сообщает, что на всем дальнейшем пути евреи всячески помогали ему, давали кров, еду и даже деньги. Главный раввин достал Мейеру паспорт, согласно которому он являлся евреем польского города Тыкоцин. В конечном счете после многих перипетий ему в конце 1813 г. удалось вернуться к себе на родину, в г. Кассель, тогдашнюю столицу немецкого княжества Гессен («Повествование о судьбе и военных приключениях Якоба Мейера из Дрансфельда, бывшего вахмистра артиллерии Вестфальской армии во время испанской и русской компаний»)⁶.

Наблюдались и вовсе неординарные случаи. Немецкий солдат-музыкант Ф. Крольман передает, что около г. Борисова Минской губернии французы за какую-то провинность казнили одного своего провиантского чиновника-еврея. «В вышитом золотом мундире, верхом на лошади бедный грешник привезен был жандармами. Как обычно в таких случаях, он был расстрелян двенадцатью гренадерами. Явилось несколько русских евреев, которые и предали своего единоверца земле»⁷. Иногда при довольно продолжительных стоянках французских отрядов в литовских или белорусских населенных пунктах общение между иностранными евреями и их местными единоверцами становилось более близким: завязывались знакомства, дружеские отношения и даже заключались браки. Так, во время постоа в местечке Опишште Вилкомирского уезда Виленской губернии французского гренадерского полка служивший в нем солдат-еврей женился на дочери местного обывателя. Когда же полк был отправлен дальше, еврейский гренадер ушел со своей частью, предварительно выдав своей молодой жене условный

развод, что давало этой женщине возможность (согласно религиозным предписаниям) выйти замуж повторно, тем более что больше от него никаких известий не приходило⁸.

Следует заметить, что в период французской оккупации Западного края замкнутость местных иудейских общин оказалась нарушенной, местные евреи были вынуждены вступать в соприкосновение с представителями различных народов, служивших в составе Великой армии Наполеона Бонапарта, причем со многими из них могли непосредственно общаться благодаря языку идиш или, как его тогда называли, «немецко-еврейскому диалекту». Подобные контакты, учитывая принадлежность евреев к противоположным, воюющим сторонам, выглядят своеобразным феноменом. Приведенные здесь примеры гуманистического отношения «русских» евреев к своим боевым оппонентам-единоверцам выглядят особенно неординарно на фоне их же неприязненного отношения, порой даже доходившего до жестокости, к представителям неприятельских войск, не исповедовавших иудаизм, что довольно отчетливо проявилось при осенне-зимнем отступлении французской армии к границам Российской империи. Тем не менее религиозно-культурное начало – общность веры и языка – стало, по нашему мнению, тем сближающим фактором и связующим звеном, благодаря которым выстраивались повседневные взаимоотношения иностранных (французских, немецких, итальянских) и российских евреев во время военных событий 1812 г.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Подр. об этом см.: *Штейнберг М.И.* Евреи в войнах тысячелетий: Очерки воен. истории еврейского народа. М.; Иерусалим, 2005.

² Наполеон I // Краткая еврейская энциклопедия. Иерусалим, 1990. Т. 5. С. 619.

³ *Дубнов С.М.* Новейшая история еврейского народа от французской революции до наших дней. Иерусалим; М., 2002. Т. 1. С. 111–123; *Бенбасса Э.* История евреев Франции. Иерусалим; М., 2004. С. 143–149.

⁴ *Гинзбург С.М.* Из эпохи Отечественной войны // Пережитое. СПб., 1913. Т. IV.

⁵ См.: *Он же.* Из эпопеи 1812 г. // *Он же.* Минувшее: Ист. очерки, статьи и характеристики. Пг., 1923. С. 200–201.

⁶ Там же. С. 204–206.

⁷ *Krollmann F.* Erlebnisse in dem Kriege gegen Russland im Jahre 1812. Hannover, 1853. S. 16; *Гинзбург С.М.* Из эпопеи 1812 г. С. 206.

⁸ *Гинзбург С.М.* Из эпопеи 1812 г. С. 206.